

BIBLIOTECA MUNICIPALĂ „BOGDAN PETRICEICU HASDEU”
BIBLIOTECA EVREIASCĂ „IȚIC MANGHER”

ARHYVARIUS

REVISTA SECTIEI ANALITICA ȘI RELAȚII EXTERNE

ЛИТЕРАТУРОВЕД ПО ПРИЗВАНИЮ
(СЛОВО О ЕФИМЕ ЛЕВИТЕ)

ISSUE 05 • 2022 • FREE

SUMAR

Biblioteca Municipală
B.P. HASDEU

Filiala „IȚIC MANGHER”

АННА БАЦМАНОВА

Вступительное слово 3

ЕФИМ Д. ЛЕВИТ

Румыноязычные писатели-евреи в послевоенной
молдавской литературе 4

САВВА ПЫНЗАРУ

Литературовед по призванию (слово о Ефиме
Левите) 11

MARIANA COCIERU

Obiceiurile nupțiale ale românilor din Basarabia –
forța tradiției 16

ВИКТОР ДАМЬЯН

«Архивариус» - воплощение идеи научно-
популярного журнала 23

COLEGIUL DE REDACȚIE

Anna Bațmanova, director

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Miroslava Luchiancicova, doctor în filologie, redactor

Institutul de Filologie Română „Bogdan Petriceicu-Hasdeu”,

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Mariana Cocieru, doctor în filologie, redactor tehnic

Institutul de Filologie Română „Bogdan Petriceicu-Hasdeu”,

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Copertă, design, machetare:

Mariana Cocieru

Adresa: mun. Chișinău, str. Eugen Doga, 4

Tel.: 022 24 12 03

Site: <https://ebraika.ru>

Email: mangher.bibl@gmail.com

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

АННА БАЦМАНОВА

Дорогие читатели «Архивариуса»!

Нынешний номер «Архивариуса» посвящен выдающему литературоведу Молдовы, доктору филологических наук Ефиму Левиту (10.09.1921 – 01.01.2002). Деятельность Ефима

Левита не ограничивалась только областью науки, но и характеризовалась широкой общественной активностью в деле возрождения еврейского сообщества нашей страны в новые времена. Двадцать лет прошло, как его нет рядом с нами. Лично мне он запомнился как удивительно деликатный и обаятельный человек, вдумчивый собеседник с твердыми общечеловеческими принципами и убеждениями. Он много сделал для популяризации не только творчества еврейских писателей довоенного и послевоенного времени, но и для устойчивого становления единственной на территории бывшей страны «дружбы народов» государственной (муниципальной) библиотеки им. Ицика Мангера.

Уроженец Кишинева, Ефим Левит родился 10 сентября 1921 г. Среднее образование он получил в лицее «Александру Донич» и в коммерческом лицее, который закончил в 1940 г., сдав экзамены на бакалавра. Мобилизованный в самом начале войны, прослужил советской армии до 1946 г. В этом же году поступил в Кишиневский университет на отделение молдавского языка и литературы историко-филологического факультета. После окончания университета работал преподавателем молдавского языка и литературы в Бельцком педучилище и в Бельцком пединституте. С 1956 г. и до выхода на пенсию в 1988 г. был научным сотрудником Института языка и литературы Академии наук Молдовы. Он являлся автором более 300 опубликованных работ. Был отличником народного просвещения (1971), лауреатом премии Президиума АН (1981), лауреатом Государственной премии (1994). Был Награжден орденом «Отечественной войны» 2-й степени и рядом воинских и гражданских медалей.

О Ефиме Левите знают в научных и литературных кругах, однако время вершит свое дело, и постепенно многое уходит в прошлое для новых поколений. А предвидеть и строить будущее, как известно, весьма проблематично без знания прошлого. Имя Ефима Левита должно войти в историческую копилку знаний о выдающихся деятелях нашей страны и роли творческой интеллигенции еврейского народа в ее развитии.

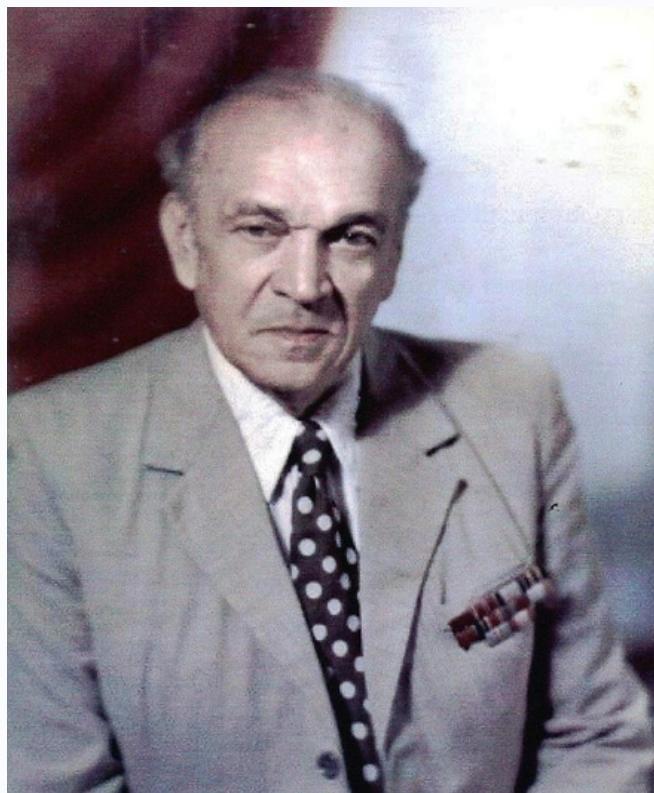
В этом номере «Архивариуса» мы предлагаем вниманию наших читателей статью Ефима Левита о творчестве еврейских писателей Молдовы в послевоенный период, а также очерк о нем другого известного литературоведа, доктора хабилитата филологии Саввы Пынзару.

О традициях и обычаях бессарабских румын, которые были хорошо известны нашим предкам, вы узнаете из статьи доктора филологии Марианы Кочиеру, посвященной народным свадебным обрядам.

ЕФИМ Д. ЛЕВИТ

РУМЫНОЯЗЫЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ-ЕВРЕИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ МОЛДАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ефим Левит (1921-2002)

С самого начала должен отметить, что как литературовед я на протяжении более четырех десятилетий занимался почти что исключительно исследованием средневековой и новой румынской литературы. И, если в настоящих заметках я отваживаюсь вторгнуться в область современной молдавской литературы, то решаюсь на это только потому, что писатели, о которых пойдет речь в дальнейшем, были моими современниками, спутниками моей жизни. Само собой разумеется, мы часто общались, имея общие ин-

тересы, я читал их произведения и даже, в дни моей молодости, рискнул высказаться о некоторых из них в отдельных рецензиях в местной печати.

Должен еще признаться в том, что по разным причинам я не всем им симпатизировал. С некоторыми поддерживал близкие, даже приятельские отношения. В силу всего сказанного данная публикация не представит собой строго научное, документированное и аналитическое изложение. Она основывается, главным образом, на воспоминаниях, на былых впечатлениях и на нынешних размышлениях. По этой причине эти свидетельства будут, естественно, неполными, порой поверхностными, даже субъективными, а потому, вероятно, спорными.

Прежде чем перейти собственно к предмету настоящей статьи, т.е. к вкладу писателей – евреев в развитие молдавской литературы послевоенного периода, необходимо коснуться хотя бы бегло одного важного вопроса общего характера. Он относится к ассимиляции евреев диаспоры, т.е. к их духовному породнению с культурой тех народов, на земле которых им было суждено родиться, воспитываться, работать и творить. Ассимиляция сынов Израиля в галуте – вопрос весьма сложный, многосторонний, противоречивый и дискуссионный. Ему и посвящены многочисленные и основательные труды. Мы же ограничимся здесь констатацией,

что ассимиляция евреев началась одновременно с их выходом из средневековых гетто, с началом их светской эманципации и их интегрированием в культурный процесс тех народов, с которыми им выпало сожительствовать. Для иллюстрации этого распространенного явления можно упомянуть о Г. Гейне и Л. Фейхтвангере в немецкой литературе или о С. Надсоне, О. Мандельштаме, И. Бабеле – в русской.

Убедительные примеры представляет нам румынская литература. Выдающийся литературовед Джорже Калинеску в своей монументальной работе «История румынской литературы от ее истоков до настоящего времени», создававшейся, кстати, в период фашизации страны и вышедшей в 1941 году, во время диктаторского режима Антонеску, счел необходимым, проявив гражданское мужество, уделить внимание и положительно оценить творчество еврейских писателей, писавших на румынском языке, таких как Феликс Адерка, Исак Пелц, Ури Бенадор, Ион Кэлугэрү.

Следует подчеркнуть отдельно, что весомое участие литераторов еврейского происхождения в развитии молдавской литературы послевоенного периода было обусловлено и некоторыми специфическими обстоятельствами. Речь идет о том, что в 1940-1941 г.г., а также в первые годы при советском режиме, многие бессарабские деятели культуры оказались в тюрьмах и сталинских лагерях, а значительная часть из них вынуждена была эмигрировать. Таким образом, в известной мере был создан культурный вакuum, который никак не мог быть заполнен только русскоязычными элементами. Здесь и сыграли свою роль еврейские литераторы, взращенные на румынской культуре.

Их представление начнем с хорошо известного Ливиу Деляну. Он сформиро-

вался как поэт в школе классической поэзии, в первую очередь Михая Эминеску, но особенно сильное воздействие он испытал со стороны другого румынского великого поэта Тудора Аргези. Его одаренность проявилась с раннего возраста, так как он стал писать стихи в 12 лет, а в 16-летнем возрасте уже издал первый сборник – «Волшебные зеркала». На первых порах Деляну оказался последователем модернистской поэзии, отвлеченной и замкнутой. Однако со временем, как выявляют его сборники стихов «Час бдения» и «Белая грязь», в его творчестве зазвучали отчетливо и социально-протестующие мотивы. Точно так же, как в руках мифического короля Мидаса все превращалось в золото, у Деляну все превращалось в самую чистую поэзию: тополь у ворот, клумба цветов, горный ручеек и т.д. Весьма красноречиво, что одно его сочинение – «Сани с колокольчиками» фольклоризировалось, став популярной народной песней.

Ливиу Деляну, 1955 г. Фото из фондов МНЛМК,
инвентарный номер - 2709. ©MNLMK

Поэт ярко выраженного лирического склада, Деляну был буквально принужден партийными руководителями создавать эпические стихотворные произведения, явно менее удачные, каким является, например, его объемистая поэма «Краснодон» («Бессмертная молодость»). Однако то, что

спасает эти сочинения – вкрапленные в них вдохновленные лирические отступления, а также язык – образный и сочный. Деляну был не только большим знатоком румынского языка, что было отмечено когда-то самим Михаилом Садовяну, но и мастером словотворчества, что посильно далеко не каждому писателю. Ученик великих румынских поэтов, Деляну, в свою очередь, стал учителем молодых талантов. Руководимое им литературное объединение при моло-дежной газете «Тинеримя Молдовей» превратилось в настоящую мастерскую по совершенствованию стихотворного искусства, которую прошли получившие впоследствии всеобщее признание Ливиу Дамиан, Григоре Виеру, Виктор Телеукэ, Спиридон Вангели, Анатол Кодру и др.

Иосиф Балцан (1923-1975)

В качестве наставника молодых литераторов зарекомендовал себя и Иосиф Балцан, который на протяжении многих лет

был редактором таких периодических изданий, как «Цэранул Советик», «Култура Молдовей», «Октомбrie» («Нистру»). С Андреем Лупаном он разделяет заслугу открытия могучего дарования Иона Друцэ. В семейном архиве хранились письма будущего автора известного романа «Степные баллады» и пьесы «Каса маре», когда он был лишь анонимным военно-служащим расположенной в Тирасполе части.

Я провел свою юность вместе с Иосифом Балцаном на одной и той же Армянской улице – одной из самых оживленных артерий довоенного Кишинева. С тех пор я знал его как серьезного, начитанного, целеустремленного юношу. Писал он еще тогда и стихи, видно, совсем незаурядные, так как еще до 1940 г. цикл его стихотворений появился в литературном журнале Дж. Кэлинеску, выходившем в Яссах. Истинный эрудит, умный и проницательный человек, И. Балцан обладал и отменным художественным вкусом. Писал он изящные, прочувствованные стихи и впечатляющие литературные эссе, посвященные таким маститым авторам как Л. Украинка, В. Катаев, И. Эренбург, И. Ивашкевич, Ю. Тувим. Т. Аргези и др.

Неутомимым тружеником на поприще молдавской журналистики был и Анатолий Гужел, мой соученик по лицее «Александру Донич», который поочередно сотрудничал в газетах «Тинеримя Молдовей», «Молдова Социалиста» и иллюстрированном журнале «Молдова».

Автор многих поэм и сборников стихов, А. Гужел отличался как тонкий лирический поэт, проникновенно выражавший самые интимные человеческие мысли и чувства. А в своих очерках и путевых заметках он запечатлев красоту родного края, достоинство и трудолюбие его жителей («Путеше-

Анатол Гужел, 1950 г.

ствие. Люди и местности»).

В отличие от упомянутых до сих пор писателей, Паул Михня был поэтом-отшельником, уединившимся в некоей слоновой башне, которую воздвиг сам себе. По своей сущности он характеризуется как романтик, склонный к символизму и философским размышлениям. Как и некоторые другие поэты-романтики более отдаленного или близкого прошлого, П. Михня болел туберкулезом, и если он сумел дожить до почтенного возраста (умер он семидесяти трех лет), то только благодаря заботе и неустанным стараниям его жены Розы. Был он искусным мастером стихосложения, изощренным сонетистом. Отдельные его поэмы («Желудь», «Карусель») поражают неожиданными ассоциациями, своеобразным видением человеческого общества.

Одаренный переводчик, Михня сумел придать блестящее румынское одеяние произведениям знаменитых поэтов – символистов Р.М. Рильке, П. Валери, П. Верлена.

Как поэт начал свою литературную деятельность и Константин Кондря. Впоследствии, с большим или меньшим успехом, он попробовал свои силы в драматургии. С его пьесой «Дети и яблоки» связано, в известной мере, становление в 60-х годах популярного молодежного театра «Лучафэрул». К. Кондря писал и прозу, интересную, содержательную, как свидетельствует его сборник рассказов «Волчья глаза». Был он хорошим, плодовитым переводчиком.

Константин Кондря (1920-2009)

В целом же роль писателей – евреев в развитии молдавской прозы была менее значительной, чем в поэзии, и, как правило, более конформистской по своей направленности. Самым покладистым в отношении

партийных наказов оказался Лев Барский. До войны, в автономной Молдавской республике, он писал рассказы о шпионах и вредителях. После войны он стал описывать, главным образом, «социалистические преобразования» в правобережной Молдове, представляя их, как того и требовалось, в самом положительном свете.

Лев Барский (1909-1974)

Рабочий, подпольщик, участник войны, Самсон Шляху написал ряд рассказов и романов о своих товарищах по труду, подполью и ратным делам. Сразу после войны, в период коммунистической экспансии пользовалась официальной поддержкой его повесть «Товарищ Ваня», переведенная на многие языки. Наиболее удачным из его произведений является роман «Нижняя окраина», воспроизводящий несколько жизненных персонажей в специфически местных ситуациях.

Наиболее значительным из румыноязычных прозаиков – евреев был, несомнен-

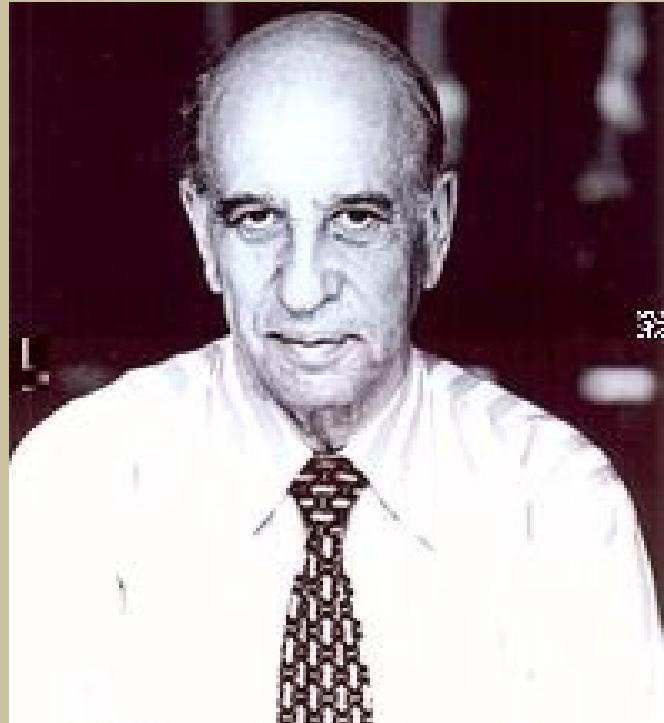

Самсон Шляху (1915-1993)

Борис Влэстару (Векслер) (1922-1993)

нно, Борис Влэстару (Векслер). Принципиальный, неподатливый, он не смог смирился с советскими порядками и был вынужден эмигрировать. Он являлся одаренным рассказчиком, прозорливым наблюдателем, умеющим запечатлеть многозначительные волнующие эпизоды и душевые состояния, как об этом свидетельствует его большая автобиографическая повесть «Молитва по умершим». Произведениям Властару не хватило лишь большей эпической консистенции и неуловимого подтекста, чтобы достичь уровня большой прозы.

Александр Громов, 2008 г.

В числе румыноязычных прозаиков, евреев по происхождению, должен быть упомянут и более молодой Александр Громов, известный как автор детских и фантастических рассказов, а также обстоятельных очерков о видных ученых. Обладающий редким чувством языка, А. Громов ведет на радио и телевидении постоянные передачи, посвященные культуре речи.

Разные по своим задаткам, подготовке, взглядам, литераторы – евреи проявили себя и в области литературной критики и истории румынской литературы.

Утонченный аналитик, умеющий распоз-

навать настоящие ценности, замечательный стилист, Барбу Рабий способствовал зарождению в республике критического направления эстетического толка, противостоящего догматизму и примитивной схематизации. Среди первых он сумел оценить большое дарование Григоре Виеру. Проницательный и остроумный. Б. Рабий редактировал долгие годы сатирический журнал «Кипэруш».

Типичным представителем официальной партийной критики можно считать З. Сэпунару. Свою критическую дубинку он усердно использовал против всех тех, которые, на его взгляд, пренебрегали господствующей идеологией и нарушали принципы социалистического реализма.

Рамил (Рамиль) Портной (1908-1965)

Антагоном и постоянным оппонентом З. Сэпунару был Рамил Портной, одна из самых ярких фигур литературной жизни республики в 50-60-х годах. Маленького роста, сухощавый, болезненный, он тем не менее обладал колоссальной энергией, которая позволяла ему проявиться одновременно на нескольких поприщах. Сочинял он пье-

сы, которые, лишенные большей частью драматического нерва, представляли собой страстные проповеди, порицающие личные и общественные пороки. Критик по призванию, он затрагивал в своих статьях живо-трепещущие проблемы литературного процесса того времени. Через его комнатку литературного консультанта при Союзе писателей прошли почти все молодые прозаики, драматурги и критики 50-60-х годов.

Главенствующую роль сыграл он и в освоении классического литературного наследия. Его огромная заслуга в том, что еще в 1954 году он, впервые в республике, сумел издать собрания сочинений М. Эминеску и И. Крянге. Особое внимание он уделял составлению школьных учебников по литературе. Частенько он поучал и меня, еще начинающего исследователя: «Слушай, молодой человек, должен тебе сказать, что одна глава для школьного учебника стоит больше, чем все твои так называемые научные статьи вместе взятые».

Для меня лично Рамил Портной стал можно сказать, духовным отцом, дело которого я стремился продолжать хотя бы в отдельных направлениях.

Роль писателей – евреев в развитии молдавской литературы не сводится только к тому, что было отмечено в этих беглых заметках. Существует еще один важный аспект этого вопроса. Несколько лет тому назад известный польский режиссер Анджей Вайда утверждал: «Оттого, что общество стало национально однородным, между поляками не стало меньше ссор. А то богатство и разнообразие польской культуры, которое ей придавали литовцы, белорусы, украинцы, евреи и немцы, жившие вместе с нами, в значительной мере оказалось утраченным. Мне хотелось бы об этом напомнить своим соотечественникам» («Комсомольская правда» от 8 марта 1991 г.).

В своей истории литературы Дж. Кэлинеску говоря об упомянутых уже румыноязычных писателях – евреях, выделил, кроме специфической тематики, их наклонность к гуманности,

национализму и ко всем остальным аспектам интернационализма, что, однако, по мнению маститого ученого, противостоит будто бы «национальному идеалу». В самом деле, угнетенные, преследуемые, вытесняемые, еврейские интеллигенты в диаспоре с жаром стремились к справедливости и равноправию. Явно ущемленные, они порой оказывались невосприимчивыми к национальной идеи народов, на земле которых они проживали. Однако, это еще не означает, что большинство из них не были патриотами, что они не уважали и не любили румынскую культуру, родные для них места. Это, безусловно, сложный вопрос, который нуждается в специальном изучении и углублении.

Сегодня, во время не только экономического, но и острого духовного кризиса, в том числе радикальной переоценки произведений, написанных в социалистической эпохе, нашлись и такие строгие «ценители», которые стали отрицать полностью, без какого-либо разбора, все что создано в молдавской литературе за последнее полстолетие. При этом, нередко отрицается в целом и творчество писателей-евреев. Любители скандальных сюжетов нарочито подобрали и перепечатали их стихи, посвященные Ленину и Сталину, как будто поэты других национальностей не делали то же самое. Тем не менее, не следует терять надежду в наступление других времен, другого образа мыслей, более зрелого, трезвого, объективного, когда все писатели прошлого, в том числе и периода большевистского тоталитаризма, будут оценены беспристрастно, дифференцированно, компетентно. Тогда и сможет быть создана правдоподобная картина развития молдавской литературы всего последнего периода, бесспорно, тяжелого, сложного, противоречивого, но отнюдь не бесплодного.

Sursa: Е.Д. Левит. «Румыноязычные писатели-евреи в послевоенной Молдавской литературе». В: «Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность». Кишинев: Лига, 1997, с. 39-45.

САВВА ПЫНЗАРУ

ЛИТЕРАТУРОВЕД ПО ПРИЗВАНИЮ (Слово о Ефиме Левите)

Я пишу о нем впервые, хотя нас связывает тесная совместная работа, длившаяся более трех десятилетий. Поэтому и возникает проблема: как создать в коротком очерке правдивую картину его жизни в науке и для науки; как объять необъятное, когда один только перечень его трудов занял бы во много крат больше страниц, чем данные заметки. Разве что дать слово фактам, потому что Левит ученый, Левит - литературовед есть прежде всего и главным образом то, что он написал, что он сделал для науки Молдовы за более чем сорок лет работы в ней.

На отделение молдавского языка и литературы историко - филологического факультета Кишиневского государственного университета он пришел в военной шинели. Между 1940 г., когда он успешно окончил коммерческий лицей в Кишиневе, сдал бакалавриат, и октябрем 1946 г., когда только что основанный университет открыл перед ним двери, пролегли огненные годы второй мировой войны, через горнило которой в рядах борцов против фашизма прошел Е. Левит.

Исследовательскую деятельность начал на студенческой скамье. Доклад о творчестве А.С. Пушкина, представленный на заседании студенческого научного общества, стал дебютом молодого литерату-

Ефим Левит (1921-2002)

роведа, его «посвящением» в филологическую науку. Великий русский поэт рассматривался автором не как явление, замкнутое в рамках национальной художественной культуры русского народа, а как частное проявление его мирового значения. Иными словами, Е. Левита занимал вполне конкретный и весьма принципиальный вопрос: как «вписывается» русский поэт в нашу национальную литературу, какие художественные результаты его воздействия на молдавских классиков, которые во многих случаях были и его пере-

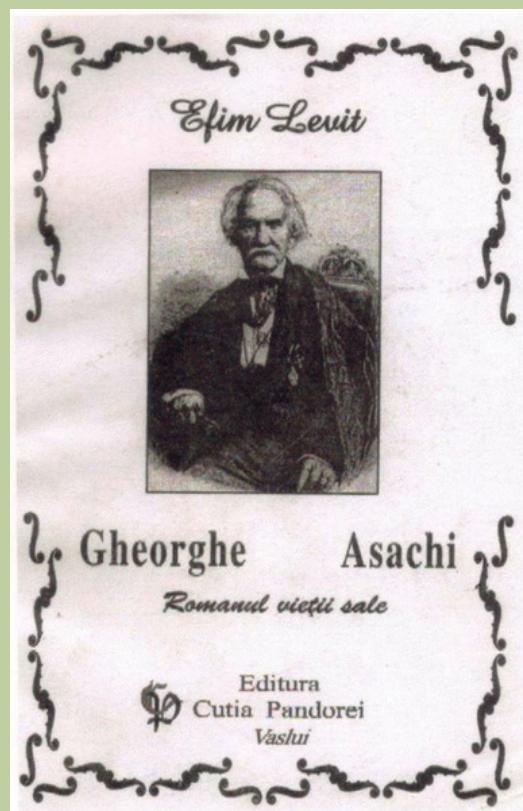
водчиками, и воздействия на него местного фольклора?

Уже в дебюте, как видим, вполне ясно определилось одно из главных направлений научного поиска: изучить «свою» литературу не как «вещь в себе», не изолированно, а в контексте и сопоставлении с другими литературами, т.е. автор уже тогда интуитивно или осознанно работал в русле формулы: соотношение национального и инонационального факторов в мировом литературном процессе. Изыскания по этой линии развернутся широко и углубленно с приходом в 1956 году (после нескольких лет работы преподавателем словесности сначала в педучилище, затем в пединституте) в Институт языка и литературы Академии наук тогда Молдавской ССР, в стенах которого прошла его долголетняя и плодотворная научная деятельность.

Виктор Красеску (1848-1918)

С годами к Пушкину прибавляются новые имена русских литераторов, художественное творчество которых привлекло внимание молдавских писателей или оказывало на них творческое воздействие. С исключительным интересом встречались читателем статьи и исследования Е. Левита, опубликованные в 60-х и 70-х годах, в том числе и на русском языке: «Переводы и переработки Виктора Красеску из русских писателей» (1962), «Русский критический реализм 1860-1870 годов и проза молдавского писателя Виктора Красеску» (1966), «Виктор Красеску и Николай Помяловский» (1967), «Аспекты молдаворусских культурных связей конца XVIII – начала XIX веков» (1972), «Молдавские переводы 1820-1840 годов из русской литературы и их идеологическое значение» (1976), «Факты и суждения относительно раннего распространения русской печати в Бессарабии» (1977), «Георге Асаки и русско-украинское влияние» (1978) и др.

В этом перечне, как видим, преобладающее место занимают проблемные статьи, исследования общего характера, но абсолютно в каждом случае в центре внимания исследователя находятся упомянутые несколько ранее два первостепенных фактора: национальный (молдавский) и инонациональный (русский). Вполне закономерно столь частое присутствие бессарабского прозаика Виктора Красеску, на примере творчества которого автором исследуется исключительно важный вопрос утверждения реализма в молдавской литературе конца прошлого века. Его очерки и рассказы из жизни бессарабской «бурсы», дунайских рыбаков и т.д. рассматриваются в контексте русской реалистической традиции в лице таких ее представителей, как Н. Гоголь, И. Гончаров, И. Тургенев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Г. Успенский, Н. Помяловский, В. Гаршин и др.

Следует, однако, заметить, что при всем значительном внимании, которое уделяется изучению молдаво-русских литературных взаимосвязей, приоритетными для Е. Левита всегда являлись и являются вопросы, связанные с изучением основных закономерностей развития автохтонного литературного процесса. По важности, по результативности исследований в этой области именно это направление необходимо считать главным, магистральным. На этом поприще ученый завоевал себе место в историко-литературной науке, составил себе имя. Его исследования характеризуют непроторенность путей, свежесть интерпретации, прочная документальная основа. С этими особенностями, возможно, связано то обстоятельство, что Е. Левит работает очень неторопливо над каждой статьей, над каждой своей книгой. Одно из основных правил,

которыми он руководствуется – выработать четкую концепцию, ясно определить предмет и цель исследования, по возможности исчерпывающе осветить все стороны проблемы, не оставляя никаких «белых пятен», ввести в научный оборот как можно больше документальных материалов.

Над темой жизни, деятельности и литературного творчества Георге Асаки, выдающегося писателя и просветителя, патриарха молдавской литературы и искусства первой половины прошлого столетия, Ефим Левит упорно и терпеливо трудился долгие годы. Именно эта тема легла в основу его докторской (по тем временам – кандидатской) диссертации (1966), она же составила предмет его первой публикации (1966), которая была положительно воспринята литературной общественностью нашей республики и которая остается и поныне единственной в Молдове капитальной работой об этой яркой личности. Книга с самого начала стала неотъемлемой частью нашего духовного бытия и давно ждет обновленного переиздания.

Завидная привычка Е. Левита «строить» прочно, надежно с особой силой проявилась в книге «Старые, неизвестные страницы» («Филе векъ, некуноскуте»), которая увидела свет в академическом издании «Штиинца» (1981) и которая целиком построена на обнаруженных автором в архивных хранилищах Кишинева, Одессы, Москвы и Санкт Петербурга неизвестных до тех пор материалах о людях, книгах, событиях давно минувших лет. Со страниц этой уникальной в своем роде книги встают, как живые, писатели и переводчики, ученые и педагоги, типографы и копиисты, чиновники и частные служащие, торговцы и помещики, миряне и священники, местные жители и иностранцы. Некоторые из

них были когда-то личностями выдающимися и давно всем известны, другие же, люди скромные, незаметные, впервые извлекаются автором книги из забвения. Но всех их объединяет общая черта – она заключается в посильном вкладе каждого в развитие духовной-жизни родного народа.

Книга имела много откликов. О ней, как о событии в литературной жизни, писали ученые Кишинева, Черновиц, Бухареста, Ясс. Юрий Кожевников, известный московский литературовед, поэт и переводчик, автор известной монографии об М. Эминеску, так оценил книгу в личном письме к Е. Левиту: «Книга очень интересная. Она мне доставила искреннее удовольствие. Я в ней ощутил литературу и саму эпоху. В ней ощущаю подлинное дыхание времени: образа жизни, вкусов, мышления. И все это сделано средствами литературоведческими, без привлечения развесисто-клоквенных примеров популяризаторства. Талантливая книга!».

Расширим рамки этой оценки и скажем, что у Е. Левита нет посредственных (тем более плохих) статей или книг: все им опубликованное носит глубокую печать его исследовательского дарования. Этим характеризуется и сборник статей 1971 года «Историко-литературные исследования», содержание которого подтверждает характерный для автора строгий до предела отбор статей согласно принципу «лучше меньше, да лучше».

Ко всему сказанному надо добавить, что ему принадлежат десятки, много десятков статей и исследований в газетах, журналах, коллективных сборниках, в энциклопедиях, главы и разделы в школьных учебниках для старших классов (заметим в скобках, что Ефим Левит – отличник народного образования); что без его участия

не был издан, пожалуй, ни один академический трактат по истории нашего края и по истории нашей литературы. В качестве примера обратимся к первому тому «Истории молдавской литературы» (1986), главным редактором которого он является. А сколько им издано книг по линии освоения литературного наследия прошлого (назовем хотя бы несколько авторов: К. Конаки, Г. Асаки, А. Руссо, А. Хаждеу, В. Красеску), сколько написано вступительных статей к ним! Здесь необходимо отметить особо, что именно его усилиями в 1954 году было осуществлено первое издание художественных произведений последнего нашего классика Алексея Матеевича, на творчество которого в то время было наложено табу, поскольку он был священником. Е. Левиту мы, главным образом, обязаны выходом двух-томного академического издания сочинений А. Матеевича, осуществленного в 1993 году при участии автора данного очерка и ясского ученого Иона Нуце. Наконец, как оценить тот невидимый для читателя громадный и исключительно ответственный труд, который был потрачен героем нашего очерка в разные годы в качестве научного редактора множества историко-литературных академических изданий и который бесследно растворился в чужих работах?

Официальным признанием заслуг Е. Левита в этой области является присуждение ему в 1994 году Государственной премии Республики Молдова за участие в написании опять же... коллективного труда.

Sursa: Савва Пынзару. «Литературовед по призванию (Слово о Ефиме Левите)». В: «Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность». Кишинев: Лига, 1997, с. 75-78.

Давид Левит – отец учёного

Фаня Шустер – мать учёного

И. Ройтман – жена учёного

Диплом бакалавра
Ефима Левита

Ефим Левит – участник
Второй Мировой Войны

Диплом лауреата
Государственной премии
Республики Молдова

После конференции с коллегами из Румынии.
Александру Зуб, Дан Манукэ, Мария Платон, Ефим
Левит, Хараламбие Корбу, Борис Визер, Георге Платон

Дискуссия в секторе классической литературы.
Павел Завулан, Евгений Руссов, Хараламбие
Корбу, Ефим Левит, Лазар Чобану, 1970 г.

OBICEIURILE NUPȚIALE ALE ROMÂNIILOR DIN BASARABIA – FORȚA TRADIȚIEI

Alai de nuntă (Podoima – Camenca)

Nunțile în Moldova în secolul trecut. Scena-riul cutumiar.

În studiile de specialitate, riturile de trecere au cunoscut o reflectare considerabilă, fapt care demonstrează atât interesul sporit al cercetătorilor pentru aceste fenomene culturale, cât și pronunțatul caracter peren și multifuncțional al riturilor. Exegeții fenomenelor etnoculturale sunt de părere că ritualurile vieții umane reprezintă zona cea mai productivă de cultură tradițională, iar cel mai bine conturat este cel nupțial, care, împreună cu întregul complex de obiceiuri și tradiții, reprezintă cel mai esențial moment de trecere din viața fiecărui individ ajuns la vâr-

sta maturității. Grație gradului de conștientizare (individul nu intră și nici nu părăsește lumea albă, ci o trece conștient, asumându-și lucid etapele ceremonialului) a fenomenului necesar pentru împlinirea statutului de „a fi în rând cu lumea”, poporul român i-a acordat acestuia încă din timpurile străvechi o importanță deosebită, aceasta explicându-se prin faptul că forța tradiției este mai evidentă în cadrul datinilor legate de existența umană decât al obiceiurilor în general, mai ales că implică un grup mai restrâns de participanți în raport cu comunitatea sătească. Îi la ora actuală, ceremonialul de nuntă, se încadrează într-o paradigmă duală de percepere a fenomenului: ca rit de trecere (Arnold van Gennep) a protagoniștilor de la statutul de „fată mare” și „flăcău” la cel de „nevastă/soție” și „bărbat/ soț”, când mutațiile survin atât în regruparea bunurilor materiale, în constituirea unei noi celule familiale și modificarea structurii grupului anterior, cât și în aplanarea acestui dezechilibru creat prin stabilirea noilor relații sociale dintre cei veniți și cei existenți; și ca un spectacol popular, piesă de teatru (Balázs Lajos), realizată de actorii implicați nemijlocit în mai multe scene, destinată unui public mai larg, aşa cum e comunitatea sătească, care urmează să recepteze reprezentarea maritală și să-i ac-

cepe pe noii membri în rândul ei.

Jocul zestrei (Podoima – Camenca)

Apariția obiceiurilor și a folclorului de nună este atribuită etapelor timpurii de construire și dezvoltare a societății umane și, mai ales, a vieții de familie. Până la apariția lucrărilor lui Dimitrie Cantemir, informațiile privind practicarea obiceiurilor de familie sunt sporadice și lapidare. Cu toate acestea informații utile, de natură mai mult istorică, decât etnografică, despre nunțile din secolele XVI-XVII aflăm din letopisețele medievale ale cronicarilor moldoveni Grigore Ureche, Miron Costin și Ion Neculce și din relatările călătorilor străini în Principatele Române. Nunțile de domnitori și boieri erau organizate cu mai mult fast, dar după același scenariu al obiceiurilor din cadrul nunților țărănești. Primele descrierii etnografice ample ale ritologiei de familie le datorăm domnitorului Dimitrie Cantemir în celebrul său tratat monografic *Descriptio Moldaviae* (scrisă în limba latină între anii 1714-1716). Dacă până în secolul al XVIII-lea, nunțile țărănești țineau câte 7-10 zile, la începutul secolului al XX-lea, acestea au fost reduse până la 3 zile (vezi *Folclorul obiceiurilor de familie*. Chișinău, 1979, p. 37). Începând cu anii 80 ai secolului trecut, acestea au trecut treptat să fie celebrate în decursul unei zile. Foarte rar mai putem întâlni executarea ritualului timp de 2-3 zile. Uenele reminiscențe ale gândirii mitologice

a strămoșilor noștri pot fi identificate și astăzi în unele rituri, dar și în credințe și superstiții legate de anumite etape ale fenomenului nupțial. Cu atât mai mult că, în mentalitatea tradițională, nerespectarea unor cutume, norme, rânduieli, atrăgea după sine niște judecăți, consecințe, pedepse, căsătoria era considerată nelegitimă, iar noua familie – fără un viitor asigurat.

Pe parcursul evoluției societății umane multe din obiceiurile străvechi au dispărut sau au suferit anumite mutații, formulele ritualice s-au diminuat în favoarea aspectului distractiv al ceremonialului. Cele mai evidente schimbări ale fenomenului nupțial au fost înregistrate odată cu ruperea Basarabiei de la arealul românesc în 1812, culminând firește cu perioada de după cel de-al Doilea Război Mondial, când are loc o mutație majoră în viața socială a populației sub impulsul mai multor contexte istorice, politice, economice și socioculturale.

Zestrea miresei în Casa mare (Podoima – Camenca). (Fotografie de Sergiu Boboc, 1972)

Nunta din Basarabia secolului trecut repeta structura tradițională a oricărui ritual de trencere: etapa preliminară/ prenupțială, etapa liminară/ nunta propriu-zisă și etapa postliminară/ postnupțială. Excluzând particularitățile specifice ale diverselor vete etnografice sau chiar localității individuale în privința practicării

unor obiceiuri și a cadrului temporal de desfășurare a acestora, vom încerca să schițăm un scenariu general de desfășurare tranzitorie a ceremonialului nupțial românesc, conform triadei rituale a etnologului Arnold van Gennep:

1. riturile preliminare (de separare/ despărțire) reprezentau secvențele inițiale în desfășurarea întregii stagiuni; la acest moment al începerii ceremonialului nupțial are loc: *Alegerea timpului potrivit/ fast/ neapărat în câșlegi, Peștitul* (acceptul privind viitoarea căsătorie), *Răspunsul/ Învoiala/ Înțelegerea/ Împăcăciunea* (discutarea zestrei, stabilirea Zilei croitului, a Logodnei și a Nunții, a scenariului nupțial) și *Logodna* (garantul, legătura, stărostia), apoi urma *Vestirea* prin strigare a evenimentului (uneori aceasta se făcea până la Logodnă) pe ulițele satului de către flăcăi sau de preotul localității după Sfânta Liturghie, astfel încât toată comunitatea să fie la curent cu acceptarea căsătoriei de către ambele părți; actul continua cu alegerea personajelor-actanți ai spectacolului: *nunii/ nănașii de cununie, vornicul/ vornicelul de frunte/ deavoroii/ stegarul/ vornicelul cu nohaică, vorniceii/ vătăjeii/ devereii/ irezâii, druștele/ domnișoarele de onoare/ vătăjișele/ vornicelele, conducătorul nunții/ conlocarul/ colăcarul/ stolnicul/ starostele/ lehăul, stolnicii/ paharnicii/ oamenii de încredere/ de alergătură, lăutarii/ muzicanții, bucătăresele etc.*; urmău momentele de pregătire pentru nuntă: *Croitul cămășii, Ziua cernutului/ Pornitul sitelor, Claca lemnelor, Lăutoarea miresei, Bărbieritul mirelui, Vedrele/ Pornirea/ La sarmale* (se făcea fie la mireasă, fie la mire sau la ambii);

2. riturile liminare (de limită, de trecere), care cuprind nunta propriu-zisa, se desfășurau în ordinea scenelor: *Chemarea la nuntă* (fie în timpul săptămânii, fie în ajunul nunții), în dimineața nunții la casa miresei avea loc *Gătitul miresei/ Coronița/ Cununa/ Înhobotatul*

Jalea miresei, la casa mirelui – Gătirea mirelui, Adusul/ Invitarea nunului de către vornicei mirelui la mire acasă, Plecarea la mireasă,

Conocăria/ Colăcăria (orație declamată la poarta miresei), *Schimbul colacilor, Ruperea colacului, Întâmpinarea alaiului mirelui și al nunilor de către socii mici, Schimburile/ Pocloanele/ Corabia/ Mărgelile* (pe alocuri se ofereau la Răspuns/ Împăcăciune sau cu două săptămâni înainte de nuntă, sau sămbătă seara la Vedre, înainte de nuntă), *Dansul „Băsmăluța”, Steagul/ Prapurul* (obicei atestat sporadic, constă în răsplătirea flăcăilor invitați de mireasă de către mire pentru a preîntâmpina tăierea cozii calului său), *Scoaterea zestrei* (putea fi luată și după cununie sau în altă zi după nuntă, sau joi înainte de nuntă), *Masa mică* (legarea invitaților cu prosoape, li se ofereau pâine, sare și rachiу, se spuneau orații de pahar, urătura pâinii, mânăneala colacilor), *Scăldătoarea pentru cununie* (mirii se îmbăiază în apă neîncepută în care se pune, ca și în cea pentru nou-născut, lapte, miere, busuioc etc.), *Iertăciunea/ Blagoslovenia/ Călugăria* (practică ritualică prin care mireasa, uneori și mirele, își lua iertare și rămas bun de la părinții miresei, în timp ce conlocarul declama orația respectivă), *Ruperea colacului miresei, Scoaterea miresei din casă/ ograda cu Dansul miresei/ Dansul „De trei ori în jurul mesei”, Răpirea închipuită* (se făcea pe alocuri, prin schimbarea permanentă a locului miresei de către vornicei în timpul dansului), *Plecarea la casa mirelui* (în unele localități se mergea direct la cununie), *Vulpea/ Vadra/ Praporul/ Pereima* (obiceiul constă în oferirea de către mire a aldămașului/ mohoriciului/ plății pentru mireasa luată din alt sat flăcăilor la trecerea hotarului localității), *Primirea miresei de către soacra cea mare, Plecarea la cununie, Cununia religioasă, Înțoarcerea de la cununie, Hora cununiei* (se făcea de obicei în fața Bisericii, alteori la sosirea acasă la mire), *Masa de cununie* (de obicei,

avea loc la casa mirelui, mai rar – la mireasă, înainte de a pleca la cununie), *Sosirea nuntașilor*, *Datul mâinii/ Împreunatul/ Adunatul/ Unitul cu mirii și nașii* (oaspeții ofereau tinerilor cadouri, flori și bani), *Masa mare* (mirele, mireasa, nunii, nuntașii își ocupau locurile stabilite din timp), *Dezlegarea mesei mari/ Orația Bradului* (obiceiul a dispărut, azi se zice rugăciunea Tatăl Nostru), *Spălatul mâinilor* (acest obicei se mai face pe alocuri înainte de Închinarea darurilor pentru nănași), *Paharele dulci/ Îndulcirea tinerilor*, *Închinarea darurilor la nănași, socrii mari, socrii mici, Jocul găinii/ Găina miresei și Bradul/ Jocul pomului/ Pomul mirelui/ Pomul de cununie, Darea/ Închinatul* (oferinga darurilor financiare și materiale din partea nuntașilor), *Pupăza/ Mâță/ Coraghia* (obicei prin care erau mulțumite bucătăreșele, o răsplată financiară din partea nunilor, mirilor și a nuntașilor, colectată pe o tavă cu o felie de pâine, ca bacăș pentru osteneala lor, soacra mică de obicei le dăruia prosoape, șorțuri, rochii), *Răpirea închipuită/ Furatul miresei* (obicei sporadic, specific pentru unele localități, putea fi efectuat în timpul dansurilor de către vorniceii miresei și la altă etapă a nunții), *Dezbrăcatul miresei/ Deshobotatul/ Legătoarea/ Nevastă Tânără* (pe vremuri, obiceiul era practicat luni dimineața, pe alocuri se făcea mascatul ritualic/ se deghiza cineva într-o mireasă urâtă și se juca înainte de Dezbrăcat);

3. riturile postliminare (de agregare/integrare), care facilitau încadrarea noii familiei în viața satului, reprezentau începutul unui nou drum pentru cei căsătoriți: *Uncropul/ Opăritul miresei/ Cinstea miresei/ Pripoiul/ Colacul/ De cale/ La zeamă/ Spolocania/ Hostropățul/ Prădanca/ La pohmilit/ La izvar/ Focorelele/ La plăcinte/ Fuioarele* (obiceiul era organizat sau imediat după Dezbrăcatul miresei, sau la 2-3 zile după aceasta; în unele

Alai de nuntă (Cernăuți - Bucovina)

localități ritul coincide cu Legătoarea/ Dezbrăcatul miresei), *Cămașa miresei/ Vinul roșu/ Rachiu roșu* (obicei dispărut din scenariul nupțial, care însemna cinstea/ castitatea miresei), *Turci* (de obicei erau rudele mirelui care se deghizau în mire și mireasă, turci, țigani, moși, muma pădurii și mergeau să-i invite pe socrii mici și rudele miresei la Uncrop, purtau în vestimentație un element de culoare roșie, fie batistă, batic sau panglică), *Trasul pe grapă/ Plimbătul în roabă/ Cinstirea soacrei mici cu un vas spart* (obiceiul a dispărut, era o formă de pedepsire a socrilor mici, în cazul când mireasa era „greșită”), *Calea mică/ Calea primară/ Calea nantă/ Calea mânzului/ A umbla de cale* (obiceiul se făcea la o săptămână după nuntă, tinerii soții își vizitau rudele: nașii, părinții).

Referindu-ne la folclorul ceremonialului nupțial, menționăm că acesta cuprinde un repertoriu complex de epică și lirică populară, coregrafie și artă dramatică: **formule recitative nupțiale/ strigături:** *La starostit, La împreunat, De poftit la nuntă, La Masa mare, De poftit alaiul mirelui și nunului în casă la mireasă, De dat mireasa mirelui, De întâlnit mireasa în casă la soacra cea mare, De binețe, De pahar etc.*; **forme mari recitative – orații de nuntă:** *La logodnă, Pocoanele pentru mire/ mireasă/ Pocoanele/ Coradia/*

Coraghia/ Schimburile/ Mărgelele (rochia, vălul miresei și pantofii), *Conocăria/ Colăcășia/ Colăcăria, Iertăciunea/ Blagoslovenia, Bradul/ Jocul pomului/ Pomul mirelui, Orațiile de pahar, De urat pâinea/ Mânănita colacilor etc.;*

cântece nupțiale: la gătitul miresei, de luat rămas bun de la părinți, la Bătutul hobotului, pentru soacră, pentru socr, pentru nași, pentru vornicei, pentru staroste etc.;

creații coregrafice: *Pelinița/ Băsmăluța, Hora de cununie, Hora miresei/ De trei ori în jurul mesei, Hostropățul* etc.;

elemente de artă dramatică: actanți, scenariu, replici, alaiuri de mascați (miri, țigani, turci, moși, Mama pădurii etc.).

Momentele preliminare respectate de tinerii care urmău să se căsătorească.

Momentul întemeierii unei noi familii era precedat de obiceiurile de socializare juvenilă, care prin intermediul „sărbătorilor inițiatice” realizau etapa premergătoare actului nupțial, de cunoaștere reciprocă a tinerilor și familiilor lor în cadrul mediului rural, la muncă – șezători, clacă, la sărbători calendaristice și de familie, la Hora satului, petreceri câmpenești, jocuri/baluri etc.

Necesitatea trecerii acestor probe de socializare juvenilă, de inițiere, subliniază etnologul Adina Hulubaș, „dă dreptul tinerilor să întemeieze o nouă lume – mică, cea a familiei proprii – fiindcă au regenerat macrocosmosul prin victoria lor în probele mitice” (Hulubaș, Adina. Implicații mitice ale inițierii feminine. În: *Anuarul Muzeului Etnografic al Moldovei*. 2007, nr. 7, p. 109). Băieții ajunși în pragul maturității trebuiau neapărat să iasă la horă, iar fetele mari să fie scoase la horă, în caz contrar, nefiind „lumiți” (adică, dați cu lumea, socializați, inițiați), nu aveau permisiunea nici de „a sta cu fetele sau cu băieții”, dar nici să se căsătorească. Era important ca această socializare să se producă și în urma

inițierii fraților/ surorilor mai mari. De asemenea, nu se permitea „să-i dai înainte” nici cu căsătoria, dacă, bunăoară în familie erau surori mai mari necăsătorite. Toate aceste legi nescrise erau respectate cu sfîrșenie. Rareori, încheierea căsătoriilor se efectua totuși cu acceptul fraților mai mari. Fiecare individ inițiat repeta în mod cutumiar prevederile socio-normative deja consolidate, trecute prin tradiție, devenite rânduieți cu valoare sacră. Grupul care îl ajuta în traseul inițiatic urmărea ca aceste reguli să fie îndeplinite întocmai pentru ca în acest scenariu ritualic de inițiere să se realizeze recondiționarea vechiului individ într-o personalitate nouă.

Obiceiurile prin care se uneau două familii, a mirelui și miresei.

Momentul esențial al unirii celor două familii coincidea evident cu realizarea nunții propriu-zise. Desigur că acest lucru, potrivit tradiției, se considera consolidat, în momentul predominării sacrului asupra profanului. Valoarea de sacralitate a acestor legături era obținută în urma oficerii divine a cununiei. Explicațiile acestei legături consolidate o deducem din concepțiile mentalității tradiționale. Pentru individul folcloric, mai presus de efectuarea nunții propriu-zise, era cununia religioasă, ca una dintre cele șapte taine sfinte ale Bisericii creștine. Prin rugăciunile din cadrul acestei practici liturgice se realiza renașterea spirituală a mirelui și a miresei în fața Domnului și nașterea unei noi familii: ce e legat pe pământ, devine legat și în ceruri și doar moartea e cea care poate întrerupe acest jurământ sacru. Nelipsite de temei sunt și mărturisirile informatorilor de folclor cu referire la acest subiect. În perioada sovietică cununiile religioase erau interzise, cu toate acestea, creștinii mergeau în mare taină și oficiau aceste cununii, în caz contrar, se considera că trăiești în păcat și nu vei avea

viață fericită în familie. De asemenea, în momentele de criză economică și sărăcie, tinerii care decideau să se căsătorească renunțau la efectuarea nunții propriu-zise, limitându-se doar la efectuarea nunții religioase, adică a cununiei. În multe sate, mireasa avea dreptul să meargă în casa mirelui numai după cununie. Fără această practică sacră, înnoptarea în casa mirelui se considera un mare păcat, care atrăgea asupra noii familii mai multe acțiuni nefaste și pagube. Încălcarea jurământului de dragoste și respect reciproc pe care îl dădeau cei doi tineri în fața Altarului, în tradiția creștinească, constituie: „un motiv suficient pentru ca sufletul omului să ajungă, după moarte, în iad” (Evseev, Ivan. *Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale*. București, 2007, p. 216). Odată încheiată această practică religioasă, cele două familii devineau rude, iar tinerii soții aveau dreptul să-și înceapă traiul împreună și să dea naștere pruncilor.

După cununie, momentul de unire definitivă era consfințit de părinții mirelui, atunci când mirele își aducea mireasa la el acasă, fiind întâmpinată de socrii mari cu daruri, dar și cu anumite practici. Ca să realizeze ritul de agregare al nurorei în noul habitat social, soacra mare o trăgea în casă peste prag, aruncându-i peste umeri un prosop sau ștergar, iar nașii frângneau un colac deasupra capului tinerilor căsătoriți, cu sens propiitor (Ciobănel, Alina Ioana. *Înrudire și identitate*. București: Editura Enciclopedică, 2002, p. 93). În alte localități cu acest prosop erau prinși ambii miri sau li se legau doar mâinile ca la cununia religioasă, după care erau trași în casă ca să trăiască toată viața „în unire”.

Participarea comunității rurale la pregătirea nunții.

Despre secvențele de pregătire pentru nuntă am vorbit ceva mai sus. Vom menționa doar că în trecut implicarea comunității ob-

Vornicei la nuntă (Cernăuți - Bucovina)

ștești era mult mai semnificativă. Dacă în inițiatul fetelor mari și flăcăilor se implicau mai mult părinții, frații și surorile mai mari, atunci când se stabilea o nuntă, acest eveniment devinea o adevărată sărbătoare a satului, motiv de bucurie pentru întreaga comunitate rurală. Evident că rolurile principale în desfășurarea ceremonialului reveneau familiilor care urmau să se unească (prin căsătoria tinerilor) și rudelor acestora. Ceilalți se implicau pe măsura solicitărilor sau din propria inițiativă, aici vorbim de alegera vorniceilor și druștelor care ajutau miresei la confectionarea buchetelor și batistelor pentru miri, nași și vornicei, la împodobirea steagurilor/ pomului mirelui/ bradului/ nohaică și la alte munci necesare de ordin organizatoric; a bucătăreselor/ porătoarelor pentru mesele festive, dar și alte sarcini; a oamenilor de încredere care ajutau pentru ridicarea cortului, amenajarea gospodăriei, cinstirea oaspeților cu vin în timpul nunții, răspunderea pentru cheile beciului etc.

Importante erau și implicările de celebrare a unor momente importante din scenariul nunții. Bunăoară, la Lăutoarea miresei și Bărbieritul mirelui participau fetele mari și flăcăii satului, prieteni ai viitorilor miri. La Ziua cernutului și Croitul cămășii veneau mai mult vecinele, femeile satului. La Vedre, în unele localități veneau bătrâni care aduceau tinerilor unelte pentru viitoarea lor gospodărie: furci, sape, greble, lopeți etc., dar și păsări și animale. Același lucru se întâmpla și după nuntă, la obiceiul Dezbrăcatul miresei/ Legătoarea/ Nevastă Tânără, la care, mai ales, femeile îi aduceau tinerei neveste inventar pentru bucătărie: farfurii, oale, ulcele, ceaune, cratițe, linguri etc., dar și perne, plăpumi, lenjerii de pat, cuverturi și.a. În alte părți, acest obicei se numea De cale, care se organiza la casa părintilor miresei, unde veneau atât nașii și rudele, dar mai ales oamenii care au fost invitați la nuntă, dar nu au reușit din anumite motive să vină. Aceștia dăruiau tinerei familii, atât obiecte materiale, cât și bani.

Cea mai semnificativă implicare din partea comunității se producea în timpul mesei mari, la obiceiul Închinatul/ Darea, când toți nunașii contribuiau cu surse financiare și materiale (saci cu făină, răsărită, ulei, animale, păsări etc.) pentru a-i ajuta pe tinerii căsătoriți să-și pornească propria lor gospodărie.

Funcția mesei de sărbătoare în tradiție.

În tradiția românească, orice sărbătoare, fie ea de familie sau calendaristică, de ajutor sau de distracție, solicita participarea întregii comunități la celebrare. Momentul culminant al fiecărei dintre ele coincidea cu organizarea unei mese festive, de sărbătoare la care erau invitați fie cei mai apropiati sau chiar întreaga comunitate.

Masa de sărbătoare reprezintă o formă a darului, care, potrivit afirmațiilor etnologului Ofelia Văduvă, „punctează temporalitatea

sacră a sărbătorescului în viața tradițională” (Văduvă, Ofelia. *Magia darului*. București, 1997, p. 105). Ritul de a consuma bucate și băuturi în comun, menționează Arnold van Gennep, „este un rit de agregare, de uniune materială propriu-zisă”, numit „sacrament de comuniune” (Van Gennep, Arnold. *Riturile de trecere*. Iași, 1996, p. 36). Prin urmare, masa de sărbătoare avea funcția de a consolida relațiile sociale și de a facilita comunicarea dintre participanții la acest festiv. Încărcată de valențe spirituale, masa de sărbătoare contribuie la aplanarea angoaselor cu referire la trecerea dintr-o etapă a vieții în alta (când ne referim la obiceiurile de familie), dintr-un cadru temporal în altul (în cazul meselor organizate cu prilejul sărbătorilor calendaristice de iarnă). Este o ofrandă oferită printr-un act ritualic participanților, dar și un context scenic potrivit schimbului de daruri. Documentele etnografice de teren ne dezvăluie numeroase probe de organizare a unor astfel de mese pe parcursul întregului spectacol nupțial. Ne referim aici la mesele organizate la diverse prilejuri secvențiale ale ceremonialului de nuntă: *Peștit*, *Răspuns*, *Logodnă*, *Petrecerea cămășilor de Ziua croitului*, *Lăutoarea miresei*, *Bărbieritul mirelui*, *Masa mică la casa miresei*, *Masa de cununie*, *Masa cea mare/ masa de daruri, masa de la Uncrop/ La plăcinte/ La zeamă/ Spolocanie, masa de la Calea primară/ Calea mânzului*.

De aceeași semnificație ritualică abundă și alte mese comune organizate cu prilejul tradițiilor etnofolclorice pastorale și agricole, calendaristice, care sunt percepute ca mese de dar, de ofrandă, care contribuie la realizarea limbajului nonverbal de comunicare socială, la consolidarea relațiilor dintre săteni, la instituirea ordinii și a echilibrului psihologic al comunității rurale. Mesele de sărbătoare, dar și cele de dar, reprezintă în cele din urmă elementul-cheie al oricărui ceremonial tradițional.

ОТКЛИКИ

«Архивариус» – воплощение идеи научно- популярного журнала

Создание электронного журнала «Архивариус» научно-популярной направленности по местной бессарабской/ молдавской еврейской тематике - достаточно интересная идея. В данный момент в Республике Молдова таких изданий не существует, поэтому журнал занял давно пустующую исследовательскую нишу.

Необходимо отметить, что цветовая гамма обложки, разделов журнала удачно подобрана создателями и авторами издания, визуально первый номер журнала «Архивариус» смотрится соответственно его научно-популярному содержанию.

Важно то, что в журнале стали публиковаться статьи, которые затрагивают очень интересные темы, связанные с литературным творчеством бессарабских евреев, например, «Липканский Олимп». Обращение к таким темам, о которых основная масса читателей не знает, а если кто и знает, то лишь поверхностно, является необходимым.

Круг читателей данного издания может быть существенно расширен, в том числе и за счет того, что материалы будут публиковаться и на государствен-

ном языке.

Хотелось бы отметить хорошую идею, связанную с обращением к событиям и персоналиями, связанным с еврейским возрождением в Республике Молдова конца 80-х – начала 90-х гг. ХХ века. Было бы большим плюсом для данного издания создать постоянную рубрику, в которой бы стали печататься материалы (воспоминания, фотографии и т.д.), связанные с событиями того времени, так как за давностью лет многие имена людей, стоявших у истоков еврейского возрождения и внесших большой вклад в этот процесс, к сожалению, забыты.

Хотелось бы порекомендовать создателям журнала «Архивариус» небольшими тиражами издавать бумажные номера данного издания, для дальнейшей передачи их на хранение в главные библиотеки республики. Это станет важным для последующих поколений исследователей, которые захотят обратиться к этому источнику информации.

**Виктор Дамьян,
доктор исторических наук**

**Дорогие пользователи журнала
„АРХИВАРИУС“!**

Приглашаем вас к сотрудничеству с нами. Если у вас есть интересные архивные материалы: рукописи, фотографии, старые издания, видеоматериалы, семейные хроники и т.д., приносите их нам в Библиотеку „Ицик Мангер“, или присылайте по электронной почте.

**ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА – КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
им. ИЦИКА МАНГЕРА**

**Филиал Кишинёвской муниципальной
библиотеки им. Б. П. Хашдеу**

Адрес: ул. Евгений Дога 4,

Кишинев 2005, РМ

сайт: www.ebraika.ru

e-mail: mangher.bibl@gmail.com.